

МИХАИЛ МАРГОЛИС

НАШЕ ВРЕМЯ

30

уникальных интервью о том,
кто, когда и как создавал
нашу музыкальную сцену

ИГОРЬ
АЛЛА
АЛЕКСАНДР
АЛЕКСЕЙ
БОРИС
КОНСТАНТИН
ЮРИЙ
ИГОРЬ
ФИЛИПП
ФЕДОР
СТЕПАН
ТИГРАН
АЛЕНА
МАКС
КОНСТАНТИН
ЛЮДМИЛА
АРТЕМ
ГЕОРГИЙ
КИРСАН
ЮРИЙ
ЕВГЕНИЙ
АЛЕКСАНДР
БОРИС
НАДЕЖДА
САМВЕЛ
ИРИНА
СТАС
ТАТЬЯНА
ЛИНДА
АЗИЗА

ТАЛЬКОВ
ПУГАЧЕВА
ГРАДСКИЙ
РОМАНОВ
ГРЕБЕНЩИКОВ
КИНЧЕВ
ШЕВЧУК
КРУТОЙ
КИРКОРОВ
БОНДАРЧУК
МИХАЛКОВ
КЕОСАЯН
СВИРИДОВА
ФАДЕЕВ
БОРОВОЙ
ГУРЧЕНКО
ТАРАСОВ
КУЗНЕЦОВ
ИЛЮМЖИНОВ
АЙЗЕНШПИС
ФРИДЛЯНД
ТОЛМАЦКИЙ
ЗОСИМОВ
СОЛОВЬЕВА
ГАСПАРОВ
МИРОШНИЧЕНКО
НАМИН
ТАЛЬКОВА

УНИКАЛЬНЫЕ
КАДРЫ
ВНУТРИ!

Подарочные издания. Музыка

Михаил Марголис

**Наше время. 30 уникальных
интервью о том, кто, когда и как
создавал нашу музыкальную сцену**

«ЭКСМО»

2021

УДК 785:929(470)
ББК 85.318(2)6-8

Марголис М. М.

Наше время. 30 уникальных интервью о том, кто, когда и как создавал нашу музыкальную сцену / М. М. Марголис — «Эксмо», 2021 — (Подарочные издания. Музыка)

ISBN 978-5-04-118568-8

Новая книга Михаила Марголиса посвящена истории российского шоу-бизнеса и ключевым фигурам на его авансцене и за кулисами. В основе ее – уникальная документальная хроника. Это интервью, сделанные когда-то самим Марголисом. Сохранившиеся в газетных и журнальных подшивках, записях диктофона и различных эфирах – свидетельства эпохи, прямая речь героев и очевидцев событий. Вместе с автором мы перенесемся на 10, 20, 30 лет назад. Во времена, где Игоря Талькова только-только застрелили перед концертом, Валерий Меладзе – еще никому не известный певец, Игорь Крутой живет в Москве в коммуналке со старушкой, а Федор Бондарчук прогнозирует смерть видеоклипов. Это время появления на сцене Линды и Децла. Времена, когда 26-летний Филипп Киркоров считает, что образ артиста на сцене должен быть скромным. Времена, когда российский рок вышел из андеграунда и неожиданно для себя стал собирать стадионы, вкусив настоящей славы. В этой книге вы прочитаете интервью с Аллой Пугачевой, Борисом Гребенщиковым, Стасом Наминым, Тиграном Кеосаяном, Аленой Свиридовой и другими людьми, сделавшими российский шоу-бизнес таким, каким мы видим его сегодня. Одни имена стали уже классикой, про других сейчас никто не вспомнит. В этой книге достаточно прямой речи, фактов, крупных планов, портретов, чтобы почувствовать, как развивалась и менялась российская музыкальная «игра на выбывание», вместе с ее игроками и нашей действительностью.

УДК 785:929(470)
ББК 85.318(2)6-8

ISBN 978-5-04-118568-8

© Марголис М. М., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Предисловие	7
Тальков. Убийство. Ложь	9
Пугачева – Киркоров. Вместе и порознь	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Михаил Марголис
Наше время. 30 уникальных
интервью о том, кто, когда и как
создавал нашу музыкальную сцену

© Михаил Марголис, текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Посвящается Константину Седову

Предисловие

Существует ли российский шоу-бизнес – доподлинно неизвестно даже крупнейшим его обитателям. Периодически они повторяют: «Шоу у нас есть, бизнеса – нет». Шутка давняя. В которой разве что доля шутки, а преимущественно – такой специфический, крепкий отечественный коктейль, где щедро замешаны все ингредиенты постсоветской России, дожившей в 2021-м до своего тридцатилетия.

Мой стаж музыкального журналиста несколько дольше. Штатным сотрудником газеты (чья редакция, к слову, располагалась напротив московского Кремля, шефом являлся будущий председатель российской Госдумы, а гранки каждого номера возили на подпись одному из секретарей ЦК КПСС на Старую площадь) я стал раньше, чем «наш шоу-бизнес» обрел четкие очертания, понятия, иерархию. Так что, его историю я фиксировал фактически с самого начала. Наиболее бурная ее часть: гламурно-криминальная, сенсационная, полуфантастическая (если судить из дня сегодняшнего), амбициозная, дерзкая и ныне уже местами мифологическая, происходила в доинтернетную, даже докомпьютерную пору. Когда разговоры и музыку записывали на кассетные магнитофоны, а материалы для СМИ писали от руки или на печатных машинках.

Старт последнего десятилетия прошлого века стал финишем Страны Советов и ее тщетной перестройки, вместе с которой сворачивались разные «центры досуга», «молодежные объединения», «художественные студии», «лаборатории» и прочие «творческие кооперативы», бросившие в конце 1980-х вызов концертно-звукозаписывающей госмонополии («Мелодия», Госконцерт, Росконцерт, различные филармонии таяли, как снеговики в оттепель). И в «девяностых» фигуры на доске можно было расставлять заново, уже абсолютно по новым для «рожденных в СССР» правилам или почти без правил. Первобытный отечественный шоу-бизнес, как фартовое казино или скоростной социальный лифт, кого только не приманил: вчерашних комсомольских идеологов, детей советских партийцев и генералов, бывших «ментов» и сотрудников ОБХСС, недавних «валютчиков» и ребят из «братвы», провинциальных режиссеров массовых мероприятий, не реализовавшихся драматических актеров, обеспеченных «детей гор», удачливых продавцов оргтехники, секретарш, манекенщиков и манекенщиц, официанток, гостиничных работниц... Это поле выглядело просторным и почти не паханным. Теснота, однако, образовалась довольно скоро, и атмосфера в «музыкальной среде» стала отнюдь не травоядной. Одни жаждали собственной влиятельности, другие – успеха, третьи – понтов. Учтем еще когорту благополучно (в некоторых случаях – привилегированно) устроившихся в профессии исполнителей советской эпохи, желавших удачно вписаться в новую реальность, а не в списки «героев вчерашних дней».

Особым аккордом звучал «русский рок», еще недавно пребывавший в полупрофессиональном-полуподпольном статусе, а тут оседлавший мейнстрим и обалдевший от происходивших с ним чудес: стадионные аншлаги, толпы фанов, документальные фильмы, интервью, телеэфиры, студийные сессии, съемки клипов, поездки на западные фестивали, контракты с рекорд-лейблами, свои директора и администраторы. Рокеры «отдельной секцией» вошли в отечественный теремок шоу-бизнеса. И сей процесс в 1990-х вызывал у некоторых из них болезненную рефлекссию. Потом улеглось.

Сейчас можно включить популярный режим «по волне моей памяти» и сложить субъективную повесть о том «как оно было». А затем коллекционировать уверенные, «беспристрастные» комментарии тех, кто в курсе «как оно было на самом деле». Но подобной мемуаристике я предпочитаю документальную хронику. Тем более, если многие годы вел ее сам и могу обратиться к тысячам своих публикаций, сохранившихся в газетных подшивках на антресолях «отчего дома», к сотням часов разговоров, зафиксированных на тех самых, вышеупомянутых

аудиокассетах, к своим радио и телепрограммам, пойманным Всемирной паутиной. На мой взгляд, в этой архивной руде достаточно прямой речи, фактов, крупных планов, портретов, чтобы почувствовать, как развивалась и менялась российская музыкальная «игра на выбывание», вместе с ее игроками и нашей действительностью.

Тальков. Убийство. Ложь

Уже в младенчестве русский шоубиз заляпался кровью, причем совсем не эпически, а как-то абсурдно-нелепо. Случившееся потащило за собой килограммы вранья и почти карикатурного пафоса. Тридцать лет назад, 6 октября 1991 года, во время сборного концерта в питерском Дворце спорта «Юбилейный», убили популярнейшего на тот момент певца Игоря Талькова. Огнестрельная драма полыхнула за кулисами, а на дворе цвела такая гласность, что организаторы концерта мгновенно, со сцены, проинформировали о происшествии многотысячную публику. И даже в отсутствии соцсетей, мобильных, хотя бы пейджеров, весть разнеслась за час по всей стране. С нее начинались вечерние новости центральных телеканалов.

У Талькова, на кардинально мутирующей в ту пору позднесоветской эстраде, к началу 1990-х сложился героико-патриотический образ. «Любер» Коля Расторгуев еще не стал «батяней-комбатом» и лишь привыкал к гимнастерке. Балтиец Олег Газманов пока не добрался до звона московских колоколов и офицеров, а про есаулов и путан пел одинаково танцевально. Игорь же со сцены, можно сказать, нарочито вещал, глаголил, считая ее трибуной, да и типажно выигрывал у потенциальных конкурентов.

В 1987-м Тальков под аккордеон исполнял сентиментальные тухмановские «Чистые пруды», чем впервые и зацепил широкое зрительское внимание. А пару лет спустя уже стоял на авансцене в расстегнутой белой рубашке, с большим распятием на груди и страдал по «растерзанной вандалами» России, «листая старую тетрадь расстрелянного генерала». К такому попукумиру помимо поклонников потянулись «как к своему» разные деятели «духовных» организаций и «национально-патриотических» фронтов и обществ (включая казаков, монархистов и одиозную «Память»), коих тогда плодилось множество. Игорь эффективно, «в русле времени», нагнетал свою мятежно-мистическую ауру. После гибели Виктора Цоя, менее чем за год до собственной смерти, он спел: «А может быть, сегодня или завтра/ Уйду и я таинственным гонцом/ Туда, куда ушел, ушел от нас внезапно/ Поэт и композитор Виктор Цой...». Рядом с сакраментальной лирикой в его репертуаре появлялись желчные, прямолинейные, типа сатирические темы, про «господ-демократов», которых он звал «на суд одураченных масс» за то, что «свободных славян обратили рабами/ и в тюрьму превратили Великую Русь!», или «Метаморфоза», где просто персонально перечислялись те, с кем Тальков пересекался в своей творческой деятельности и конфликтовал: «Перестроились комсорги/ В шоу-бизнес подались/ И один из них свой орган/ Называет фирмой ЛИС'С/ Стал капиталистом/ Коммунист из Госкино/ Вместо фильмов о чекистах/ Рекламирует «порно»...».

И вот такого артиста (сыгравшего, кстати, в кино князя Никиту Серебряного), за месяц до его 35-летия убивают буквально перед выходом на сцену! Простите за цинизм, но какой сюжет! Сколько мотивов для молвы! Разумеется, понеслось. Одни поклонники Талькова догадывались, что «он мешал тем, кого обличал», «убили за правду», другие чуяли «масонский заговор против русского поэта-патриота», третьи добавляли, что «здесь, конечно, не обошлось без спецслужб». Апофеозом экстатической конспирологии стал художественный фильм режиссера Николая Стамбулы с леденящим названием «Операция “Люцифер”», в начале 1994 года презентованный в большом зале московского Киноцентра на Красной Пресне. Перед показом Стамбула со съемочной группой поднялся на сцену и многозначительно заметил: «Мы уверены, что трагедия, случившаяся с Игорем, никакая не случайность, а заказное убийство». Нетрудно догадаться, что озадачивший своим художественным уровнем фильм пытался проиллюстрировать режиссерский тезис. В нем делались вполне прозрачные намеки на конкретных участников преступления. Деятели теневых структур – от фирмачей до милицеских генералов – развернули тайную охоту на актера (с лицом Талькова), которого хотели застрелить. В итоге они своего добились, но перед тем случилась цепь мистических событий. Фирма, орга-

низовавшая преступление, называлась «Люцифер», на столах в офисах разных мафиози стояли таблички с аббревиатурой «МИС», а еще над телом «Талькова» танцевала с кинжалами полуголая женщина, чем-то напоминавшая певицу Азизу...

В реальности все было куда прозаичнее и, к сожалению, характернее для российского абсурдизма. Кровавый «детский сад» с летальным исходом. В последние пару лет жизни Талькова я немало с ним общался, заходил к нему домой, знал его семью и некоторых людей из его окружения. Игорь мог быть весьма резким парнем, имел газовый пистолет, а в его малогабаритной квартире в «хрущевской» пятиэтажке на Пролетарском проспекте едва ли не центральное место занимала боксерская груша. Иногда он наносил удары по ней даже во время разговора, если ходил по комнате. Я легко представлял его реакцию на чье-нибудь дерзкое предложение помериться... крутизой.

В «Юбилейном» нечто подобное адресовал ему сам Рэмбо. Под такой кличкой некоторые знали «бывшего спортсмена, а ныне – рэкетмена» Игоря Малахова, являвшегося тогда для популярной певицы из солнечного Узбекистана Азизы сразу всем: директором и охранником, автором песен и гражданским мужем. Малахов отправился в гримерку Талькова, дабы доходчиво разъяснить Игорю, что по желанию Азизы тот должен поменяться с ней очередностью выхода на сцену в данном концерте. Многие российские «понятия» (в том числе из области поп-культуры) в цивилизованном мире смотрятся как анекдот. Расстановка исполнителей в сборной программе согласно их подразумеваемому статусу – из этой серии. Безусловно, понятие «хедлайнер» никто не отменял. Но в России начала «девяностых» его значение гиперболизировалось до дикости.

Тальков резко отреагировал на похожее на «наезд» предложение своего «конкретного» тезки. Завязалась потасовка, к которой подключились охранники, рядом был и администратор певца, вскоре появились «стволы», раздались выстрелы, один из которых оказался для Талькова гибельным. При всей начавшейся за кулисами нервной суете, нашлось немало свидетелей точно запомнивших, кто выстрелил в артиста и куда затем делся роковой пистолет. В течение недели после трагедии я общался с несколькими участниками того концерта, в частности, с Лолитой Милявской, Олегом Газмановым, с музыкантом из группы Талькова, и они рассказывали очень похожие подробности, а имя убийцы называли однозначно. Собственно, и у следствия поначалу картина преступления и главный подозреваемый особых сомнений не вызывали. Но уже через несколько месяцев все вдруг превратилось в программу «В гостях у сказки». Коллеги Талькова стали напрочь забывать, что видели в «Юбилейном» 6 октября, видели ли вообще какой-нибудь конфликт или только слышали «странный шум в коридоре». А следователи нашли сенсационного кандидата в киллеры – администратора самого Талькова Валерия Шляфмана. И озвучили эту версию сразу после отъезда Шляфмана с семьей на ПМЖ в Израиль.

Дальше сюжет развивался предсказуемо: уголовное дело об убийстве певца ушло в тень, а адепты Талькова продолжили, по мере возможностей, поддерживать его культ: сборники, сайты, книги, выставки, музей, памятник в городе Щекино Тульской области, могила-мемориал на Ваганьковском... Лет через 15 после убийства, «к дате», для таблоидов и телевизионных ток-шоу, коллеги Талькова вдруг опять вспомнили подробности конфликта в «Юбилейном» примерно так, как высказывались «по горячим следам» той ситуации. По случайному совпадению их откровения совпали со смертью Малахова. Вроде бы даже уголовное дело возобновили...

В 1992-м, через год после убийства Талькова, я пришел в знакомую квартиру, где он жил, и часа два разговаривал с его женой Татьяной. Она тогда готовила для столичной галереи «Нагорная» выставку картин и фотографий, посвященную погибшему мужу.

– Татьяна, недавно мне звонила девушка, представившаяся инициатором создания музея Игоря Талькова, и просила передать ей имеющиеся у меня материалы для музейного фонда. Чуть раньше с аналогичной просьбой обращались люди, составляющие книгу об Игоре. Были еще какие-то мемориальные проекты. Тебя всегда ставят в известность о таких начинаниях, и как ты к ним относишься?

– Тому, что Игоря помнят и любят, чему свидетельство потоки писем, приходящих ко мне, и публикации его стихов, я, конечно, рада. Но далеко не всегда я согласна с тем, как используется его имя. Вот создается музей, я против этого. Музей ассоциируется у меня с чем-то холодным, каменным, неживым. Человека нет всего год, а уже – музей. Думаю, если подобные вещи и делать, то значительно позже. Мне говорят, есть же музей Высоцкого, но ведь даже его музей открыли спустя двенадцать лет после смерти. Однако разрешения у меня никто не спрашивает. Занимаются этим поклонники, при жизни Игоря не знавшие. Находятся какие-то спонсоры, пробивают помещение и реализуют задуманное. С этими людьми контактирует брат Игоря – Володя, а я их не знаю, и мое отношение к ним настороженное. Не хочется отдавать кому-то незнакомому память о муже. Они, кстати, провели уже несколько вечеров, теперь планируют начать целый цикл. Но я на эти встречи не хожу.

– А тебя приглашают?

– Иногда да, иногда нет. Но я не хожу туда умышленно. Как правило, эти вечера очень напоминают какие-то политические собрания, где забывают о том, что Игорь был свободным художником, не чуждым разных мнений и взглядов. Боюсь услышать там что-то совершенно на него не похожее. Причем такие вечера проходят не только в Москве, но и в других городах. Я не бываю нигде.

– А книги о Талькове успеваешь читать? Много вышло без твоего ведома?

– Конечно. Причем иные авторы и издатели предварительно приходят ко мне, даже берут интервью, консультируются, уверяют, что без моего согласия ничего делаться не будет. Тем не менее вскоре обнаруживаю такие издания на прилавках или мне их приносят знакомые. Появляется немало просто искаженных текстов, как поэтических, так и разговорных. Я же сразу узнаю, где слова принадлежат явно не Игорю. Но, безусловно, проследить за всеми публикациями не удается.

Впрочем, наверное, это процесс естественный. Когда внезапно уходит какая-то популярная личность, пена вокруг ее имени оседает не сразу. Я прочитала книгу Марьяны Цой и поняла, каково было ей после гибели Виктора, и возня вокруг близкого для нее человека продолжается. Она терпит это так же, как и я. Появилось даже желание созвониться, встретиться с ней. У Игоря была небольшая скульптурка Цоя, и мне подумалось, что она должна принадлежать ей, как и рукописный оригинал песни Игоря «Памяти Цоя».

На мой взгляд, все подобные вещи должны храниться у близких людей, а не попадать в какие-то музеи, фан-клубы, фонды. Недавно мне пришло письмо из Джезказгана, где открыли фонд: «Мудрая мысль: XXI век» имени Игоря Талькова. Без какого-либо согласия со стороны родных и близких Игоря некто Юрий Панин организовал подобную структуру. Чем занимается этот фонд? Чьим флагом и для каких целей служит имя Игоря? Никто из нас не знает.

– С родственниками Игоря, с его матерью ты сейчас поддерживаешь отношения?

– Да, конечно. Вот вчера сын к ней поехал. Для меня это родные люди, я их люблю. Вместе прожито уже тринадцать лет. Никогда не думала, что эту атмосферу станет так сложно сохранять. Различные поклонники Игоря, появившиеся после его смерти, постоянно пытаются нас столкнуть лбами.

– А как ты относишься к тем, кто ежедневно дежурит у могилы Талькова на Ваганьковском кладбище? И к тому, что творилось там в годовщину его гибели?

– Благодарна людям, приносящим туда цветы, заботящимся о могиле. Но все-таки понять фанатизм некоторых из них не могу. Кто-то бросает детей, семьи и сутками там находится. Меня это удивляет.

– **Сама часто бываешь на Ваганьковском?**

– Редко. На кладбище нельзя бывать часто. К тому же мне там просто тяжело. Я постоянно, как на экране телевизора. На меня отовсюду смотрят люди, я не могу найти покоя. Не могу по-христиански поговорить с близким мне человеком.

В годовщину смерти Игоря пришла на Ваганьковское утром, поскольку знала, что во второй половине дня туда начнутся различные шествия, и могила превратится в политическую трибуну, придет «Память»...

– **Тебе уже удалось отмежевать имя Игоря от этой организации?**

– К сожалению, нет. Они, как говорится, хотят взять не мытьем, так катаньем. Что бы «Память» ни делала, какие бы акции ни проводила, имя Талькова постоянно используется. И одной из причин своего внезапного визита в «Московский комсомолец» они старались назвать Игоря, и в каком-то из недавних интервью Васильев (лидер «Памяти») уверял: «Что бы ни говорила Татьяна, мы с Игорем были друзьями». Но назвать их друзьями я никак не могу. Если бы тот же Васильев действительно был другом, то, по крайней мере, он не поступил бы по отношению к ходу следствия так, как он это сделал.

– **Кстати, на какой стадии следствие сегодня?**

– Оно приостановлено. Кому-то хотелось завести следствие в тупик, что и было сделано.

– **Ты согласна с выводом о невиновности Малахова?**

– Безусловно нет. Но в те дни, когда его быстро обвинили и быстро оправдали, я была в совершенно подавленном состоянии. Еще не отошла от случившейся трагедии и не воспринимала никаких сообщений. Потом, естественно, поняла, что происходит. Особенно, когда послушала в июле санкт-петербургскую конференцию по делу Талькова.

Изопренность, с которой следователь Зубарев защищал представителя теневых структур Малахова, была потрясающей. У меня есть документы этой конференции, и я найду возможность их опубликовать. Всему свое время. К тому же я располагаю и дополнительной информацией, которую собрали мои друзья, пытающиеся ныне самостоятельно разобраться в этом деле.

– **Частное расследование?**

– Можно назвать так, но эти люди – не профессиональные юристы, они помогают чисто по-человечески, в меру своих сил.

– **Сегодня можно обратиться и в коммерческие сыскные агентства?**

– Не хочу. Во-первых, для этого требуются большие деньги, во-вторых, боюсь, что и они поведут следствие так же, как и официальные органы. Если бы кто-то из частных агентов действительно хотел установить истину в этом убийстве, меня бы нашли.

– **Вслед за Малаховым у следствия появилась другая фигура – Шляфман. На твой взгляд, его просто подставили или он действительно в чем-то виноват? Ты, кстати, видела его выступление в одной из телепередач, которое было записано в Израиле?**

– Кассету, показанную по ТВ, я предоставила авторам программы сама. К сожалению, молодые журналисты не пошли дальше небольших комментариев к ней, хотя я надеялась, что они постараются как-то углубиться в это дело. Впрочем, благодарна им уже за то, что запись была показана.

Определенной вины с Шляфмана не снимаю, но приписать ему все грехи, конечно, потопились. Некоторым политическим организациям, взявшимся распутывать это дело, было выгодно разыграть именно такую картину, свалить все на еврейский вопрос. Причем общаясь

со мной, они выдвигали совсем иные версии по сравнению с теми, что появлялись с их же слов в прессе.

Шляфман, кстати, еще два месяца после гибели Игоря находился в Москве и ни от кого не скрывался. Мы общались, он говорил, что собирается уезжать в Израиль. Я ходила к следователю, предупреждала: «Делайте что-нибудь, Шляфман скоро исчезнет, а он же проходит главным свидетелем». Однако ему спокойно дали уехать, а вскоре после этого его обвинили.

– Ты занимаешь бескомпромиссную позицию и по отношению к официальным инстанциям, и по отношению к теневым элементам, связанным с этим делом. Тебе не пытались угрожать, не «советовали» прекратить докапываться до истины?

– Нет, никаких угрожающих звонков или других действий в отношении меня не было.

– Знаю, что многие наши известные музыканты проводили концерты в поддержку семьи Талькова, некоторые поклонники тоже собирали какие-то средства с аналогичной целью. Тебе помогают эти деньги?

– Все деньги идут на памятник Игорю, который я должна поставить. Это желание как мое, так и тех, кто помнит Игоря, кому он дорог. Стоимость памятника более 600 тысяч рублей. И я благодарна всем, кто помогает мне собрать необходимую сумму. Помню свою растерянность, когда нужно было сделать первый взнос. Откуда мне взять такие деньги? Тогда поддерживали друзья, дали объявления в прессе. А сейчас вот разные люди поддерживают, и я не могу обмануть их ожидания.

– Как ты думаешь, творчество твоего мужа выдержит проверку временем?

– Думаю, да. Следующие поколения оценят его еще в большей мере. Надеюсь опубликовать многое написанное Игорем и еще не изданное. Есть и черновые записи песен, которые требуют технической доработки.

Спустя полгода, весной 1993-го, я вновь увиделся с Татьяной у нее дома. Она только вернулась с открытия московского музея Игоря Талькова по адресу: проспект Мира, 14.

– Выходит, твое скептическое отношение к музею и его создателям прошло?

– Да, оно изменилось. У тех, кто хотел поспорить со мной на этой почве с родственниками Игоря, создававшими музей, ничего не вышло. Мое прежнее негативное отношение к проекту объяснялось тем, что еще ничего внутри не улеглось после трагедии, тяжело было думать о будущем. Потом увидела, что многим людям такой музей действительно нужен, и стала даже помогать его организаторам – дала кое-какие экспонаты, фотоархив...

Директором музея стал брат Игоря, ему помогают еще несколько человек. Эти люди ничего не получают, все деньги, которые удастся добыть, уходят на оплату арендуемой у краеведческого музея комнаты, где размещается посвященная Игорю экспозиция. Даже 50 процентов выручки от продажи билетов получает краеведческий музей, хотя у самого вход бесплатный. Объясняю это, поскольку уже слышала обвинения в том, что организаторы музея пытаются нажиться на популярном имени. Ерунда! Им не хватает порой средств, чтобы сделать необходимые вещи, например, стеклянный кофр, куда можно убрать китель, в котором выступал Игорь, брюки, в которых его убили, и так далее, фанаты же хотят все потрогать, пощупать, так скоро ничего не останется.

– Как обстоит дело с памятником? Помнится, ты целый год на него копила, присылали пожертвования...

– По-прежнему коплю. Хочется, чтобы это был достойный памятник. Председателем Фонда славянской письменности скульптором Клыковым уже подготовлен проект, который всем понравился. Но для его реализации требуются уже не сотни тысяч, как раньше, а миллионы рублей.

– Поклонники Игоря все еще дежурят у его могилы?

– Да. Но это не помешало кому-то в ночь на день рождения Ленина еще раз ее осквернить – потоптать цветы, хвойные ветки. Есть что-то мистическое в том, что такое случилось именно в ту ночь. Думаю, Игорь очень «насолил» некоторым своим творчеством.

– **Следствие по его убийству как-то продвигается или замято окончательно?**

– Судя по тому, что никаких изменений в стране не происходит и посты в прокуратуре занимают те же, кто и год назад, надеяться на что-то трудно. Я посылала запрос даже в Верховный Совет, но оттуда также никакого ответа. Сегодня уже поползли слухи, что дело скоро вообще закроют.

– **Один работник российской прокуратуры рассказывал мне, что «дело Талькова» вообще-то такое, что пострадавшей стороне не стоит особо шуметь. Дескать, сами охранники Игоря завязали ту драку, сами открыли стрельбу из газового пистолета... Как ты относишься к такому мнению?**

– Абсолютно с ним не согласна. Это еще одна попытка облить Игоря грязью. Пресса же изначально шумела, что Игорь был якобы пьян, что он вообще дебошир. Не хочу подобное комментировать. Для меня очевидно, что лица, виновные в случившемся, активно уводят следствие в сторону, и кто-то из официальных кругов им в этом способствует. Хотят все свалить на Шляфмана, которому органы внутренних дел, несмотря на мои предупреждения, дали спокойно уехать в Израиль. Я с него вины не снимаю, но не в убийстве, а в том, что он не сделал многого, что могло бы эту трагедию предотвратить. Вообще, если бы дело прочитал непредвзятый адвокат, он легко бы заметил, насколько в нем все подтасовано.

– **Твои друзья вели ведь какое-то самостоятельное расследование?**

– Да, для себя мы многое выяснили. Но, к сожалению, достать вещественные улики или документальные подтверждения случившегося мы не смогли. Сколько бы я ни делала сегодня публичных заявлений, они будут недоказуемы.

Не раз обращалась к различным адвокатам с предложением взяться за это дело, но они реагировали без энтузиазма. Видимо, не верят, что смогут выиграть, или боятся тех, кто стоит за этим убийством. Да что о них говорить, если даже неоднократные обращения к генпрокурору России Степанкову ни к чему не привели.

– **Если дело все-таки окончательно прикроют, ты успокоишься на этом?**

– Ну, как можно успокоиться? Я просто понимаю, что на сегодняшний день – бессильна. Но все тайное когда-нибудь становится явным.

– **Интуитивно ты предполагаешь, что преступник находится в России?**

– Да. И я догадываюсь, кто это.

Если ответ на вопрос об убийце Талькова с каждым днем становился все мутнее, то главного виновника драмы наш эстрадный цех определил сразу и однозначно. У Азизы Мухамедовой, ставшей для ряда своих коллег нерукопожатной, карьерные перспективы резко потускнели. О разборке в «Юбилейном» и ее последствиях певица публично не высказывалась очень долго. Возможно, впервые проникновенно и не односложно на эту тему Азиза поговорила в марте 2014-го в моей авторской радиопрограмме на «Сити FM».

«Когда произошла та трагедия, я от потрясения наполовину поседела и потеряла голос. Через пару дней после «Юбилейного» планировались мои стадионные концерты в Беларуси. Естественно, я сказала, что не могу ехать на гастроли. У меня, по ощущениям, просто земля из-под ног ушла. Хотя мне звонили и мои директора, и организаторы с белорусской стороны, говорили, что билеты никто не сдает, публика продолжает меня ждать. После выигрыша «приза зрительских симпатий» на Юрмале-88, я к 91-му году как раз была на самом взлете, сформировалась моя аудитория. И она не отказалась от меня в одночасье, пока все СМИ усиленно муслировали подробности событий в «Юбилейном», не разобравшись в ситуации, и постоянно

упоминали мое имя. Публика не пыталась меня «добить». Но все равно я была не в состоянии выступать, ни морально, ни физически. Меня словно заживо похоронили. Не то что петь, разговаривать не хотелось. Все произошло внезапно и странно. Для меня это до сих пор потрясение. Пусть кто-то говорит о некой политической акции или спланированной мести, лично я считаю, что это была банальная закулисная драка молодых ребят, которым было по 25–30 лет. В то время все были такие бравые, и у кого оружие огнестрельное, у кого кинжал, ох..., у кого что. Все задиристые, играли в какую-то войнушку, и доигрались.

Впоследствии я выкарабкалась только благодаря своей публике. У меня был сценический имидж сильной женщины, женщины-вамп, словно я не из Узбекистана, а из каких-то древних воинственных племен. А на самом деле я – восточная женщина, со своими комплексами, страхами, и та ситуация меня сильно подкосила. Знакомые спрашивали: «Чего ты не выходишь к журналистам? Не объясняешь, что не виновата». Но меня отец воспитывал как мальчика и говорил: никогда не оправдывайся. Если что – дай сдачи. А в этой ситуации мне сдачи давать было некому. Ощущала какую-то борьбу с ветряными мельницами. Не знала, кому и что доказывать? Сама себе не могла объяснить: что произошло? Я была 27-летней девушкой, недавно приехавшей из Ташкента, открытой, доброжелательной, доверчивой. И вдруг в моей жизни случилась такая... подстава. Даже не подстава, меня в принципе никто не подставлял. Но... Это же как раз шоу-бизнес начинался. Люди, которым было неудобно, что я как певица, актриса занимаю слишком большое пространство на сцене и под солнцем, после той истории нашли предлог и чуть что говорили: ой, давайте Азизу вырежем из эфира, или не возьмем в ту или иную программу. В общем, начались манипуляции. Мне не давали выхода на телеэкраны, хотя публика продолжала идти на мои концерты.

– Когда ты вновь стала контактировать с Лолитой Милявской, Александром Цекало, Олегом Газмановым?

– После трагедии очень многие артисты, в том числе Лолита, Саша Цекало, Олег Газманов, не хотели выходить со мной на одну сцену. По-моему, они даже письмо какое-то составили и подписали. И к Пугачевой с ним пришли, чтобы она тоже подписала. Мол, объявляем Азизе бойкот, потому что из-за нее произошла такая драка, погиб наш коллега, и теперь ей не место среди нас. В общем, «сжечь на костре», «пепел развеять по ветру» и все такое. На что мудрая Алла Борисовна сказала, чтобы все занимались своим делом и что-то еще в своем стиле. На этом все закончилось. Некоторое время я почти ни с кем из коллег не виделась. Но прошли годы, кто-то из них что-то переосмыслил, к чему-то стал относиться иначе, в том числе ко мне. Лолита пригласила меня в программу «Без комплексов», которую она вела. Позвонила по-дружески, по-человечески. И с Сашей Цекало где-то пересеклись, и никакого негатива с его стороны я не заметила. А Леша Глызин, который со мной вообще долгие годы не здоровался и глаза отводил, когда мы вместе снимались в телешоу «Ты – суперстар!» подошел и сказал: «Боже мой, какие мы были молодые дураки, и неправильно все представляли». Он у меня даже просил прощения. Вот Газманов – да, до сих пор как-то странно меня воспринимает. Если здороваюсь с ним, не понимаю, он меня замечает или нет. Но я не осуждаю никого. Ради бога, создали свое мнение, придерживайтесь его и дальше. Поменяли – тоже ваше право.

– Валерий Шляфман не убивал Талькова?

– Нет.

Буквально накануне той поездки в Петербург Тальков общался со мной по телефону. Он недавно забрал сына из школы, дабы его обучали не «по советским методичкам», а иначе. А в стране как раз разворачивалась дискуссия о государственном и частном образовании. Для «Учительской газеты», в которой я тогда работал, тальковский пример был весьма кстати. Тут еще День Учителя на пороге – то самое 6 октября. Договорились «после Питера» встре-

тяться, подробнее обсудить новую учебу Талькова-младшего – тоже Игоря (который позже станет музыкантом и в 2006-м споет дуэтом с... Азизой). Не довелось.

Свое последнее интервью для одного журнала Тальков дал мне месяцем раньше. В начале разговора ему позвонил гитарист его группы «Спасательный круг» Геннадий Берков и услышал следующее: «Гена, тут ко мне со студии Никиты Михалкова приходили. Предлагают сниматься во французском фильме. Им нужен крутой русский бард, обратились к Михалкову, он направил ко мне. Хотят отснять наш концерт, плюс у них еще сценарий с ролью, так что фильм, кажется, художественный. По-моему, неплохо. Мы туда можем включить и все наше новое...».

– Игорь, а ты бард? Я как-то на твоих афишах видел даже определение рок-бард.

– Я себя так не называл. Это несколько лет назад сделали, анонсируя мои концерты, некоторые газеты. И определение как-то закрепилось за мной. Поначалу смутился, а затем подумал – почему нет? Рок – музыка протеста, а я протестую своей музыкой. Протест не обязательно выражать в «металлическом» стиле, можно и под балалайку. Ну, а бард – это человек, выражающий то, что его волнует, с помощью собственной музыки и стихов. Так что название «рок-бард» в принципе справедливо. Но года два назад я, тем не менее, попросил убрать его с афиш.

– И на что направлен твой протест?

– Он направлен против зла, насилия, умышленного развала моей Родины. Против правительств, что правили ею начиная с 1917 года. Считаю, что эти правительства боролись с Богом за право обладания этой землей и служили впрямую сатане.

Я не молчал и в прежние времена, другое дело, что не имел сцены. Еще в 1975-м в Туле на площади сказал все, что думаю о Брежневе. Мне было восемнадцать. Потом затаскали по разным инстанциям, в КГБ. Собирались посадить. Выручил мой друг Анатолий Кондратьев, известный велогонщик. Он был тогда в Туле очень популярен. Мы с ним вместе в одной группе играли. Мне удалось избежать суда. Потом отправили в армию. Вторую попытку сделал в Москве в восьмидесятом. Директор одного клуба пригласил выступить на дискотеке. Песен у меня уже было много, но никто их не знал, а тексты – примерно теперешние. Ну, в общем... Вот на стене афиша старая: «Завтра в помещении столовой состоится концерт автора и исполнителя своих песен Игоря Талькова. Вход бесплатный». Так после той дискотеки меня и в столовую больше никто не звал. Ко мне тогда подбежал тот директор, совершенно бледный, и начал лепетать: «Что ты наделал! Ты соображаешь, что спел? Ну, ты меня убил!». Больше до 1987 года у меня не было возможности публично выступить. А как только стала популярной песня «Чистые пруды», мне дали сцену. Я сразу начал петь то, что хотел.

– Кстати, о «Чистых прудах». Песня родилась из искреннего ностальгического порыва или по необходимости, поскольку с «Россией» пробиваться на большую эстраду было сложнее?

– «Чистые пруды» были спеты случайно. В 1986-м Давид Тухманов пригласил меня в группу «Электроклуб» в качестве автора-аранжировщика. Я согласился лишь потому, что надеялся на его помощь в раскрутке моих песен. Когда понял, что Тухманов этого делать не будет, сразу из коллектива ушел. Но уже успел записать «Чистые пруды» для одной из его пластинок. Совершенно неожиданно песня стала популярной. Посыпались приглашения в различные концерты...

– То есть, произвольно Тухманов все же способствовал твоей раскрутке?

– Получается так. Меня даже позвали в «Песню года». Раньше на пушечный выстрел не подпускали, а тут сами позвонили. Такой показ по центральному ТВ тоже во многом помог. Стали звонить из других городов, гастроли... Причем звали-то скорее всего с «Чистыми прудами», но я уже пел совсем другое.

– Со своим «рок-бардовским» материалом ты все же оказался преимущественно на поп-сцене. Не смущает?

– Мне все равно, в какой программе и для какой аудитории выступать. Важно делать свое дело, несмотря на среду, тебя окружающую. Пою там, куда меня приглашают. Пел даже с «Ласковым маем» в одной программе, и меня хорошо принимали. Вообще считаю, если не смог установить контакт с залом, значит, ты – плохой артист. Значит, сделал что-то не так.

– Тебе необходим определенный образ, сценический костюм, дымовые пушки, ансамбль или можешь просто выйти один, в футболке, с гитарой и спеть?

– Никогда не пишу песни, рассчитывая только на гитару или рояль. Я – не Высоцкий, не Розенбаум. Сразу ориентируюсь на работу с группой. Даже, когда одно время не было группы, работал с фонограммами, под аккомпанемент оркестра. Оформление тоже играет для меня большую роль. Как правило, сам продумываю свой костюм, освещение на сцене и все остальное.

– Если возникнет ситуация, когда у тебя ни группы, ни оркестровой фонограммы – отработаешь под гитару?

– Так уже приходилось делать, когда по ходу концерта ломалась аппаратура. Для меня это хуже, но зрители, кажется, особо не замечают и так же аплодируют «Родине», «России», другим моим песням.

– Ты недавно выступал в Гамбурге. Собрал зал?

– Да, был полный зал. Причем немцев, а не эмигрантов...

– Пел на русском?

– На русском. Но мои песни переводились. Перед каждым исполнением на сцену выходил профессор Гамбургского университета и читал литературный перевод. Был успех. Я привез тридцать моих кассет, их раскупили в считанные минуты, по двадцать пять марок за штуку. Для примера, диск Фила Коллинза стоил пятнадцать марок.

– А как насчет собственного диска? Собираешься выпускать?

– Конечно, собираюсь. Была масса предложений. Но до конца прошлого года я на них не отвечал из-за съемок в нескольких фильмах. Не было возможности поехать в студию.

– Наиболее заметной твоей работой в кино, наверное, должна быть роль князя Серебряного. Удовлетворен сделанным?

– Я абсолютно не удовлетворен съемками. Не удовлетворен режиссером, организацией, создавшей этот фильм, во главе с Исмаилом Таги-Заде, который кричал, что он – миллионер и потратит уйму денег на такую картину, такую тему, а сам экономил даже на гвоздях. Мне просто стыдно, как одели князя Серебряного, такое чувство, что на «Мосфильме» собрали все половики и сшили из них наряд. Еще хуже обстояло с костюмами массовки. Бутафорские сабли держались, простите, на резинках от трусов. Или, представь, въезжаю в кадр на черной лошади, выезжаю на белой. В общем, царил дух полнейшего наплевательства со стороны тех, кто отвечал за этот фильм. Я был поражен и даже отказался в нем досниматься.

– И что же теперь? Как он будет выходить?

– Не знаю. Вот так и будет. Сцены с Иваном Грозным там вообще ни одной нет.

– Чем тебя заинтересовала тема этого фильма?

– Хотел показать, какими были наши предки: бояре, князья. В образе князя Серебряного подчеркнуть благородство, величие русского духа. То, что унаследовала русская дворянская интеллигенция. И что истреблено и утрачено в современных поколениях.

– Считаешь себя патриотом?

– Да, считаю. Потому что мне не безразлично, что происходит с Россией.

– Патриотизм приобретает сейчас различные формы. Например, члены «Памяти» тоже считают себя патриотами.

– Я просто скажу, что к тем, кто насилует мою Родину, пытается разрушить ее традиции, культуру, отношусь примерно так же, как к оскорбляющим мою мать.

– **Любовь к Родине и патриотизм, для тебя – разные вещи?**

– Нет, почему? Любовь к Родине – компонент патриотизма.

– **То есть, патриотизм более объемное понятие, нежели любовь?**

– Да, более. Потому что любить и бездействовать – это не патриотизм. Патриот – человек любящий и действующий.

– **Есть созвучные тебе по духу люди в сегодняшней российской музыке?**

– Есть. Шевчук, покойный Цой...

– **Как думаешь, с Шевчуком у вас одно творческое направление?**

– Направление одно, язык разный. Я менее жесткий. Менее революционен, чем Шевчук. Я скорее более философичен.

– **Есть площадка, где бы очень хотелось выступить, но пока не удалось?**

– Конечно, есть. Допустим, очень хочется выступить в парижской «Олимпии» для русских эмигрантов. Там еще сохранились настоящие дворяне.

– **Сколь широк круг тех, кому ты доверяешь?**

– Таких людей очень мало. Я теперь крайне осторожен в контактах. Меня часто предавали, и я сильно разочаровался как в мужчинах, так и в женщинах. Всегда пытался открыть свою душу тому, кого считал другом, но порой мне в нее просто плевали. После чего душа вновь замыкалась. Правда, время, что называется, вылечивало, понемногу приходил в себя, но следовал какой-то новый удар, и все повторялось. Сейчас, если я кого и хочу видеть, то только тех, кого давно знаю, кто хорошо ко мне относится и относился так же, когда я не был известен. Но, повторяю, их очень мало.

Пугачева – Киркоров. Вместе и порознь

Наиглавнейшей российской светско-музыкальной новостью в самом начале 1994-го стала помолвка Аллы Пугачевой и Филиппа Киркорова. Под Старый Новый Год стране сообщили о формировании весьма неожиданной «ячейки общества» и многие восприняли это как эпатажный рекламный трюк, эффективный в «младенческий» период отечественного шоу-бизнеса. Реалити-шоу получалось громкое, с ускользающей гранью между его режиссурой и естеством. Народ следил за сюжетом. 26-летнего Филиппа, когда-то покинувшего «Театр Аллы Пугачевой», чтобы доказать сомневающимся свою значимость и независимость, теперь воспринимали как нового фаворита Аллы Борисовны, вернувшегося к своей покровительнице. Он – рвется в короли, она – поможет ему обрести титул. А любовь тут или расчет – это на усмотрение каждого. Скажу лишь, что, по крайней мере в первые годы своего семейного союза, Пугачева и Киркоров выглядели азартно и воодушевленно. Я периодически общаюсь с ними уже тридцать лет, и, пожалуй, именно тогда замечал у них наибольший, если хотите, неподдельный кураж.

За полторы недели до того, как мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак торжественно вручил молодоженам Алле и Филиппу паспорта со штампом об их бракосочетании, Киркоров пять дней подряд презентовал в Москве свою самую масштабную и претенциозную на тот момент программу «Я не Рафаэль». Премьерный показ 4 марта 1994-го в ГЦКЗ «Россия» длился пять часов! Два отделения. 60 номеров на английском и русском. Богатые декорации, балет, президентский симфонический оркестр на сцене. Аншлаг. Бомонд в зале. Приглашенным на премьеру выносили даже дополнительные стулья. Стоимость постановки – примерно 120 тысяч долларов, солидная сумма по тем российским временам.

«А как же? – сказал мне Филипп в премьерный вечер – люди заплатили по 100 тысяч рублей за билет и имеют право получить товар на такую сумму».

Песню «Я поднимаю свой бокал» Киркоров исполнял, глядя со сцены вдаль и вправо. Потом шел в эту даль, к подножию директорской ложи (я, к слову, тоже располагался в ней, на расстоянии вытянутой руки от Аллы Борисовны, и в деталях наблюдал ключевую мизансцену действия). Софит выхватывал из темноты Пугачеву, Киркоров кричал ей несколько раз «Я люблю тебя!», она бросала ему с балкона букет. Интимная, серенадная зарисовка. Публика умилялась и удивлялась.

Первое отделение завершалось итальянской песней *Guarda che luna* в исполнении отца Филиппа – Бедроса Киркорова. Чуть раньше, под кавер на песню Мадонны «*Hanky Panky*», на сцене плясал упитанный, эксцентричный, весьма известный сам по себе, киркоровский директор Олег Непомнящий. В общем, зрителям предлагали почти домашнюю, семейную, доверительную атмосферу в интерьерах пышного концерта. Стилистически это вполне укладывалось в разгоравшуюся сагу о любви напоказ двух ярких, преуспевающих артистов. В те дни я поспрашивал Филиппа о происходящем:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.